

УДК 02:001.89
ББК 78.349.5+72.471.9

К ВОПРОСУ О НАУЧНЫХ ШКОЛАХ В БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИИ

© А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко, В. А. Бородина,
М. Н. Колесникова, В. В. Орлов, 2014

*Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2/4*

Ученые кафедры библиотекосведения и теории чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (СПбГУКИ) высказывают точки зрения на проблему изучения и определения библиотекосведческих научных школ (НШ). Сегодня нет общепринятых методов исследования и описания НШ как социокультурного института, нет единой стратегии их развития в библиотекосведении, отсутствует единство мнений о том, какой смысл следует вкладывать в само понятие «научная школа». Оно многовариантно, и пока невозможно свести его к единому унифицированному определению.

В библиотекосведении реально существуют различные НШ, в основе построения которых лежат различные признаки (чаще их совокупность). Анализ признаков позволяет утверждать, что эта совокупность определяет конкретную НШ.

Одним из признаков предложено считать территориальный, объединяющий в единую НШ содружество ученых, ведущих научные исследования в рамках определенной территории (региона, города, научного городка и т. п.). Недостаточно убедительно распространенное предложение считать НШ лишь неформальное объединение ученых, никак не связанных и не зависящих от административной деятельности учителя. Не менее спорно предложение считать учениками лишь тех ученых, которые смогли защитить диссертации, так как некоторым аспирантам помешали это сделать бытовые и житейские обстоятельства. Сомнительно и стремление соотносить НШ с числом диссертаций, защищенных под руководством конкретного ученого, так как число аспирантов далеко не всегда зависит от него, а, например, может определяться планом приема в аспирантуру.

К тому же, важнее для НШ не количество учеников, а что нового в исследуемую проблему они внесли. Тематика диссертаций тоже не всегда укладывается в рамки одной проблемы. Такое явление довольно типично для библиотекосведения и отражает сосредоточенность ведущих библиотекосведов на исследовании не одной, а одновременно нескольких научных проблем. Расширение кругозора научных интересов ученого обогащает научно-теоретическую базу библиотекосведения, а попытки «привязать» НШ только к одному направлению, табуирование эволюции исследовательской программы школы рано или поздно приведет ее к стагнации с вытекающими последствиями.

Расширение круга научных интересов ученого в процессе его профессиональной деятельности естественно. Этот факт дает дополнительные аргументы в пользу понимания временной «подвижности» понятия «научной школы», возможности отнесения одного исследователя на разных этапах его пути к разным школам, интеграции подходов нескольких школ в работах одного ученого, особенно для изучения сложных, многомерных явлений.

Несмотря на имеющиеся исследования о НШ в библиотечно-информационной сфере, ясности в вопросе отграничения одной школы от другой нет. На библиотечно-информационных факультетах существуют три базовых направления по специальности 05.25.03 «Библиотекосведение, библиографосведение и книговедение», по которым защищаются диссертации на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук. В рамках трех базовых направлений идут ответвления научных дисциплин на основе взаимопересечения этих наук. Но анализ в историческом аспекте становления и развития библиотечно-информационной сферы деятельности показывает «пикирование» отдельных ученых, исследовательских коллективов на научные проблемы, ранее как бы закрепленные за конкретными кафедрами, «вторжение» на смежные территории и их «захват». Этому способствуют реорганизация и переименование кафедр, переструктурирование учебных планов.

Объективность и честность в изучении НШ важна для того, чтобы не было «спекуляций» на школах и их идентификации, безапелляционных утверждений, что у одного ученого есть школа, а у другого – нет. Многие, в силу деликатности проблемы, остаются недосказанным, намеренно обойденным и даже искаженным в процессе интерпретации заслуг конкретной научной школы. Осмысление и описание НШ на основе разных подходов – наиболее продуктивный путь к разработке этой проблемы науковедения.

В порядке постановки вопроса можно обозначить исследовательские коллективы, имеющие признаки НШ, возникшие на кафедре библиотекосведения Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской (ЛГИК) в советское время и в дальнейшем продолжившие свое развитие: НШ работы с читателями В.Ф. Сахарова, ныне – научная школа библиотечно-информационного обслуживания под руководством профессоров Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (СПбГУКИ) В. С. Крейденко и В. А. Бородиной, каждый из которых ведет определенное направление в рамках школы; НШ общего библиотекосведения профессора А. Н. Ванеева. Требуется специальное изучение вопроса о научных школах библиотекосведов Г. Г. Фирсова и Б. Ю. Эйдельмана.

Высказано мнение, что целесообразнее называть НШ не по научным направлениям или проблемам, а использовать имена их основоположников и лидеров – «научная школа Л. Б. Хавкиной», «научная школа Ю. В. Григорьевой», «научная школа В. Ф. Сахарова», «научная школа Ю. Н. Столярова» и т. д.

Ключевые слова: научная библиотекосведческая школа, проблемы исследования и определения.

Scientists of the Department of Library Science and Reading Theory of St. Petersburg State University of Culture and Arts express their points of view on the problem of studying and definition of the library science research schools (RS). Today there are no generally accepted methods and description of RS as a socio-cultural institution, there is no unified strategy for their development in the library science, there is no consensus on what meaning should be invested in the «research school» notion. It's multivariate; it is impossible to reduce it to a single unified definition yet.

There are different RS in the library science, which are based on various features (mostly combinations of them). Their analysis allows us to state that this set defines a specific RS.

One of the signs proposed is territorial, joining scholars engaged in research within a certain area (region, city, academic city, etc.) into a single scientific community. A common proposal, to consider RS only as an informal association of scientists unrelated to and independent on the administrative work of the head, is inconclusively. No less controversial proposal is to consider the disciples only those scientists who were able to defend the theses, because some graduate students were not able to do it by domestic and everyday problems. It's doubtful the desire to correlate a research school with the number of dissertations defended under the guidance of a supervisor, as the number of graduate students is not always dependent on the scientific head, but of the plan of admission to post-graduate school.

As for RS it's more important not the number of students, but what new things they introduce in the studied problem. Dissertation subjects do not always fit into frames of the same problem. This phenomenon is quite typical for the library science and reflects the leading library researchers focusing on studying several scientific problems simultaneously. Expanding horizons of researcher interests enriches the theoretical foundation of library science, and attempts to «fix» the research school to the only direction, tabooing evolution of a research program of RS will lead to stagnation with the resulting consequences sooner or later.

Widening the circle of scientific interests in the course of researcher professional activities is natural and gives additional arguments in favor of understanding the temporal «mobility» of the RS concept, the possibility to regard an investigator to different schools at diverse stages of his exploration, integrating approaches of different schools in papers of a scientist, especially for studying complex multi-dimensional phenomena.

Despite the existing investigations on RS in the library-information sphere, there is no clarity on distinguishing one school from the others. There are three basic directions in specialty 05.25.03 «Library Science, Bibliographic Science and Bibliology», according to which Ph.D. thesis are defended at the library-information faculties. Scientific disciplines are branched based on interconnectivity of these sciences within mentioned three basic directions. But the analysis of formation and development of library-information activity sphere in the historical aspect shows «diving» of individual scientists, research groups into scientific problems, which previously were assigned by specific departments, «intrusion» into adjacent areas and their «capture». This is facilitated by the reorganization and renaming of departments, restructuring curricula.

Objectivity and integrity in RS studying is important not to «speculate» on such schools and their identification, categorical assertions that one scientist has a school, and the other hasn't. Much due to the problem delicacy remains unsaid, intentionally bypassed, and even distorted in the process of interpreting the specific merits of a certain RS. Understanding and description of RS on the basis of different approaches is the most productive way to develop this problem of the science of science.

By way of posing the problem one can identify research groups with RS signs emerged at the Department of Library Science in N. K. Krupskaya Leningrad State University of Culture in Soviet times and continued their development later: RS on activity with readers by V. F. Sakharov, nowadays it's a school of library-information servicing in St. Petersburg State University of Culture and Arts under the guidance of professors V. S. Kreydenko and V. A. Borodina, each leads a specific direction within the school; RS on library science by professor A. N. Vaneev. Schools of library scientists by G. G. Firsov and B. Yu. Adelman are to be studied.

It's suggested that it must be preferable to call schools of not on research directions or problems, but using names of their founders and leaders – «L. B. Khavkina's school», «Yu. V. Grigoriev's school», «V. F. Sakharov's school», «Yu. N. Stolyarov's school» etc.

Keywords: research school of library science, problems of definition and investigation.

М. Н. Колесникова, В. В. Орлов

Как справедливо отмечает Л. А. Кожевникова, на данный момент еще нет общепринятых методов исследования НШ как социокультурного института, нет единой стратегии их развития в библиотековедении [12]. Неоднозначны предлагаемые определения НШ, хотя уже внесен огромный вклад в их разработку. Признаков НШ также много, и иногда для них нет единого понимания. Более того, во многих работах по указанной теме постоянно акцентируется, что НШ – это чаще всего неформальный научный коллектив, его выделение весьма условно.

Таким образом, подходить к определению НШ с навсегда установленными, унифицированными критериями, в том числе с точки зрения единой, не меняющейся десятилетиями исследовательской программы, представляется непродуктивным, по крайней мере, в библиотековедении.

Программа исследования может задавать основные ориентиры деятельности НШ, но, как и другие важнейшие признаки НШ («признание научной школы профессиональным сообществом и самоидентификация возможных представителей научной школы» [10]) не дает исчерпывающего представления о ней как о явлении.

Например, для признания школы сообществом нет стандартизированной процедуры, следовательно, она может иметь элементы субъективизма и конъюнктуры. Самоидентификация членов школы – не менее сложный аспект, связанный с этикой человеческих отношений. В данном вопросе, переходя от теоретических построений к реальной жизни, приходится сталкиваться с индивидуальным характером отношений в каждой паре «учитель – ученик», от которых невозможно уйти при идентификации НШ.

Справедливость и необходимость применения такого метода идентификации прямо или косвенно

подтверждается многими авторами, но требует строгой корректности. Одна из проблем здесь, видимо, заключается в морально-нравственных принципах самого ученика. Опыт показывает, что не все защитившиеся ученики на всю жизнь остаются в НШ учителя, однако личность и взгляды наставника обязательно влияют и на самого ученика, и на его научную работу.

Как правило, для большинства исследователей подготовка и защита диссертации под руководством официального руководителя означает безусловное вхождение в его школу, к которой исследователь относит себя всю профессиональную жизнь. Но бывают случаи, когда защитившийся соискатель ученой степени безапелляционно заявляет о своей исключительной самостоятельности и свободе от любого научного руководства. Как это можно проверить и стоит ли?

Кроме того, мы не можем отказать ученым, «родившимся» в той или иной школе, в их дальнейшем праве менять свои научные взгляды и область приложения интересов. В ряде случаев именно это является залогом их развития как самостоятельных исследователей и даже основателей новых школ. (При этом всю профессиональную жизнь они отдают дань благодарности своему собственному наставнику).

Расширение круга научных интересов ученого в процессе его профессиональной деятельности мы рассматриваем как абсолютно естественный процесс. Наличие такого процесса предоставляет дополнительные аргументы в пользу понимания временной «подвижности» понятия НШ, возможности отнесения одного исследователя на разных этапах его научного пути к разным НШ, интеграции подходов различных НШ в работах одного ученого, особенно для изучения сложных, многомерных явлений. На наш взгляд, табуирование эволюции исследовательской программы школы рано или поздно приведет ее к стагнации с вытекающими последствиями.

А. Н. Ванеев

В настоящее время в библиотековедении существуют различные представления о том, какой смысл следует вкладывать в понятие «научная школа». По нашему мнению, прежде чем дать ответ на этот вопрос, надо вспомнить, как определяется понятие «школа» в русском языке. Согласно словарю русского языка С. И. Ожегова, это может быть: учебное заведение; выучка, достигнутая в чем-то, опыт, а также то, что дает такую выучку, опыт; направление в области науки, искусства и т. д.

Очевидно, что при такой многовариантности понятия «школа» не может быть и однозначного, единого, унифицированного определения «научной школы». В библиотековедении реально существуют

различные НШ, в основе построения которых лежат различные признаки (чаще их совокупность). Анализ признаков позволяет утверждать, что эта совокупность определяет конкретную НШ.

Один из таких признаков – *территориальный*, объединяющий в единую НШ содружество ученых, ведущих научные исследования в рамках определенной территории (региона, города, научного городка и т. п.).

В. С. Крейденко

Интерес к НШ в современной науке не случаен. Он обусловлен государственными реформами, направленными на повышение эффективности научно-исследовательской деятельности, подготовки научных кадров, международного сотрудничества в научной сфере.

Научная школа – это творческое образование, которое подготавливает научных работников к самостоятельной научной деятельности, в том числе воспитывает свою смену – молодых ученых. Школы через каждого участника вносят в науку индивидуальное, новое, необычное. Изучение НШ открывает много интересного, неизвестного и полезного и для дальнейшего их развития, и для развития всей нашей библиотечной науки. Например, особенности различных стратегий исследовательских подходов и поисков, методик отбора актуальных тем и способы их анализа; определяет лидеров и новаторов.

В конечном итоге, появляется возможность анализировать особенности научного стиля каждой творческой личности, коллективного творчества в процессе работы над общей темой, обмена мнениями, сравнения разных вариантов, дискуссий и т. д.

Первое, что показывает изучение НШ: нет двух одинаковых школ. Их рождение и функционирование зависит от большого количества составляющих, многие из которых выявлены в исследовании Т. В. Захарчук [11]. И нет единой формы, подходящей для любой НШ. Каждая НШ – это отражение и учет той реальности, в которой она работает, а также особенностей круга решаемых ею задач. В одной школе может быть то, чего нет в другой, в третьей то, что есть во всех... Часто сила и достоинство НШ состоит как раз в ее специфике.

Поэтому я твердо убежден, что все НШ разные и мерить их одной мерой нельзя. Хотя изучать их всегда надо. И, видимо, лицо школы, прежде всего, зависит от руководителя. Руководитель НШ может быть и номинальной фигурой, тогда все участники могут выступать одновременно и руководителями, и исполнителями. Сегодня один предлагает новую идею, ее обсуждают, принимают, и он руководит ее реализацией, завтра – другой и т. д. Все меняются ролями.

Вспомним, например, группу Бурбаки, в которую, в основном входили выпускники Парижской высшей нормальной школы. Многие из них были выдающимися математиками. Группа давала раздолье коллективному разуму. Другой пример – когда НШ мог руководить выдающийся ученый с непрекращаемым авторитетом, как профессор Тартуского университета Ю. М. Лотман (1922–1993 гг.) – создатель всемирно известной семиотической школы.

Как правило, НШ специализируется на разработке научного направления дисциплины и наиболее важных тем, входящих в это направление. Но часто темы изменяются, уточняются, приближаясь к реальным потребностям библиотечной теории и практики. Следовательно, тема не всегда остается единственной, для сравнения иногда берутся несколько тем. Это происходит и в интересах аспирантов (соискателей), например, в связи с проверкой гипотез по теме.

Т. В. Захарчук пишет, что в некоторых НШ часто соискатели поворачивают темы диссертаций в другое русло. Это не всегда случайно, а вызвано серьезной причиной. Научная школа всегда начинается с разработки одной-двух наиболее важных тем, затем, по мере необходимости, темы могут меняться. Тему начинает вести руководитель, но она не всегда остается единственной. Жизнь требует лавирования, корректировки тематики исследований. Тем не менее, на мой взгляд, есть то, что всегда остается главным и ведется всеми членами школы под руководством научного руководителя – разработка методологии, ее и «пробуют» на разных близких и не близких темах. Дело в том, что, развивая методологические правила, проверенные в исследованиях, соискатель резко теряет в своем исследовательском качестве. Думаю, что если и есть в НШ дело всеобщей заботы, так это – методология исследований.

Поэтому, например, неудивительно, что мой учитель В. Ф. Сахаров постоянно направлял меня на разработку методологии диссертации – и его заповеди я старался выполнять! Разрабатывая ту или иную проблему, он всегда искал в этой работе «методологические ключики», что в те годы при слабости библиотечной науки было не так просто делать.

Методология являлась одной из тем научных интересов Василия Федоровича. Он часто беседовал об этом с аспирантами. Полагаю, он искал тех, у кого душа лежит к методологии библиотековедения. Василий Федорович неоднократно обсуждал и со мною методологические вопросы и однажды сказал: «кажется, что Вам на основе того, что мы делаем, надо сосредоточиться на методологии и попробовать написать (конечно, не сразу) добротную диссертацию». Примерно через 30 лет я сумел реализовать завет учителя – написал и за-

щитил диссертацию на тему «Исследовательские методы в библиотековедении: современное состояние и пути повышения эффективности» (1988 г.). При этом я продолжал заниматься и проблемами, связанными с обслуживанием читателей.

М. Н. Колесникова, В. В. Орлов

В порядке постановки вопроса обозначим исследовательские коллективы, имеющие признаки НШ, которые возникли в одном образовательно-научном подразделении – на кафедре библиотековедения ЛГИК в советское время и в дальнейшем продолжили свое развитие¹.

Отметим, что определенный шаг в этом направлении был недавно сделан [14], послужив поводом для дальнейшего уточнения и углубления выдвинутых тезисов в данной статье. Вклад отдельных ученых кафедры в создание НШ характеризуется и в других публикациях последнего времени [3, 4, 9, 13–15 и др.].

Хронологически первой следует считать сформированную В. Ф. Сахаровым (1901–1986 гг.) НШ работы с читателями (в том понимании, которое соответствует исторической эпохе). Научная школа работы с читателем получила дальнейшее развитие как НШ библиотечно-информационного обслуживания под руководством заслуженного профессора СПбГУКИ, д-ра пед. наук В. С. Крейденко и профессора, д-ра пед. наук В. А. Бородиной. Как В. С. Крейденко, так и В. А. Бородина ведут определенное направление в рамках научной альма-матер.

В. Ф. Сахаров подготовил девять учеников (первое поколение)², которые защитили под его руководством диссертации по темам, соответствовавшим как плану научной работы кафедры, так и его личным научным интересам, а в комплексе – приоритетному научному направлению «работе с читателями». Его концептуальное изложение, представленное в одноименном сахаровском учебнике, может рассматриваться и в качестве научно-исследовательской программы В. Ф. Сахарова, актуализировавшейся с течением времени.

Шестеро учеников Сахарова в дальнейшем сами стали научными руководителями³ и подготовили более 40 учеников (второе поколение), хотя не все

¹ Употребление словосочетания «научные школы кафедры» представляется возможным в том случае, если она является для них местом, где они сформировались и продолжают развиваться, по аналогии со словосочетанием «научные (научно-педагогические) школы научной организации (организации высшего образования)», используемым в государственных реестрах научных школ.

² З. И. Ривлин (1951 г.), А. П. Селигерский (1955 г.), Н. В. Лепнинова (1956 г.), В. С. Крейденко (1963 г.), В. Ю. Урбонас (1971 г.), А. М. Миллер (1974 г.), Чан Динь Куанг (1979 г.), Г. В. Михеева (1980 г.), В. А. Бородин (1981 г.).

³ З. И. Ривлин, Н. В. Лепнинова, В. С. Крейденко, В. Ю. Урбонас, Г. В. Михеева, В. А. Бородин.

из них продолжали заниматься изучением проблем работы с читателями, что вполне объяснимо новыми вызовами библиотечной науки и развитием научных интересов.

Четверо учеников В. Ф. Сахарова – В. С. Крейденко, Г. В. Михеева, В. Ю. Урбонас, В. А. Бородина – стали впоследствии докторами наук. Все его подопечные (в том числе и незащитившиеся – Б. Г. Умнов, Л. Я. Полковникова), несмотря на территориальную удаленность, как В. Ю. Урбонас (Литва), А. М. Миллер (Украина), Чан Динь Куанг (Вьетнам), всю жизнь поддерживали профессиональные и духовные связи со своим наставником, общались и обменивались опытом.

Вклад учеников В. Ф. Сахарова в советское библиотековедение (в частности в раздел «Работа с читателями») был признан профессиональным сообществом еще при жизни ученого. Сегодня данью его памяти является учрежденная кафедрой библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ международная научно-практическая конференция Сахаровские чтения (2008, 2010, 2012, 2014 г.).

А. Н. Ванеев

В 2004 г. я опубликовал статью «Становление петербургской школы библиотековедения» [6], позднее переизданную [7]. В ней обосновывалось, что научная разработка проблем библиотековедения была преимущественно связана с научной деятельностью петербургских библиотековедов. Такое понимание не вызвало отрицательных отзывов со стороны коллег-библиотековедов.

В 1950–1970 гг. общепринятым среди библиотечных теоретиков и практиков страны стало понятие «ленинградская научная школа работы с читателями». Этим подчеркивался наиболее весомый вклад ленинградских библиотековедов в разработку проблем работы с читателями. Приоритет ленинградской НШ признавали и наши коллеги из Москвы. Не случайно, что подготовка вузовского учебника «Работа с читателями» была доверена именно Ленинградскому библиотечному институту (далее – Институт культуры). Кафедра библиотековедения института подготовила под редакцией В. Ф. Сахарова три издания учебника. Их авторами были в основном преподаватели кафедры библиотековедения ЛГИК.

Можно ли считать на этом основании В. Ф. Сахарова научным руководителем научной библиотековедческой школы, исследующей проблемы работы с читателями? Мы полагаем, что это бесспорно. Однако существуют и другие подходы, согласно которым так нельзя считать.

Почему-то сложилось представление, что НШ – это лишь неформальное объединение ученых, никак не связанное и не зависимое от административной деятельности ученого. По этой логике по-

лучается, что, например, ни у И. В. Курчатова, ни у С. П. Королева не было своей НШ, поскольку ученые работали не только под научным, но и под административным руководством своих наставников. Абсурдность такого вывода очевидна.

В. Ф. Сахаров был и руководителем НШ, и администратором – заведующим кафедрой, что не только не мешало, а наоборот, активизировало научную деятельность кафедры.

Другое соображение, не менее спорное, связано со стремлением считать учеником лишь того, кто защитил диссертацию под руководством своего учителя. Следовательно, все прочие, независимо от своего вклада в научную разработку проблем работы с читателями, не могут считаться учениками В. Ф. Сахарова.

В число «неучеников» попадают авторы учебника «Работа с читателями» Б. В. Банк, Е. А. Горш, Е. И. Кужелькова, Л. Я. Полковникова, Т. В. Воронова, А. А. Роднянская. Любимый ученик В. Ф. Сахарова – Б. Г. Умнов, хотя и не защитил диссертацию, в 1970-х гг. возглавлял исследования кафедры по работе с читателями.

Не логичнее ли считать учениками В. Ф. Сахарова всех, разрабатывавших под его руководством проблемы работы с читателями, независимо от того, кто был научным руководителем их диссертаций и защищал ли ученый диссертацию вообще?

Вызывает сомнение и стремление соотносить НШ с числом и тематикой диссертаций, защищенных под руководством научного руководителя. Во-первых, можно ли вообще по числу защищенных диссертаций судить об уровне научного руководства? Число аспирантов далеко не всегда зависит от научного руководителя, а, например, может определяться планом приема в аспирантуру.

Некоторые аспиранты не защитили диссертацию не по вине научного руководителя, а по многим другим, чаще всего бытовым и житейским обстоятельствам (беременность, болезнь и т. п.). Поэтому критерий «полноценности» научного руководителя в зависимости от числа защищенных под его руководством диссертаций не может быть, с нашей точки зрения, истинным.

Сам этот критерий представляется если не ошибочным, то во многих случаях второстепенным. Он требует не статистического подсчета числа диссертаций, а их содержательного анализа, показывающего, что нового в исследуемую проблему внесли ученики. К сожалению, нередко в своих диссертациях они лишь повторяют научные выводы своего руководителя, сопровождая их в лучшем случае новыми примерами их истинности.

Вообще не ясно, какое должно быть количество учеников, чтобы можно было констатировать наличие НШ. Если, например, всего один ученик разрабатывает идеи и теоретические взгляды своего

учителя, то можно ли говорить в таком случае о НШ? С позиций статистического подхода, видимо, нельзя, но с точки зрения логического анализа следует признать, что можно.

Во-вторых, анализ диссертаций, защищенных под руководством научного руководителя, может приводить к выводу, что их тематика не всегда укладывается в рамки НШ. Такое явление довольно типично для библиотековедения. Нередко научный руководитель ведет работу диссертантов по весьма далеким от его научных интересов темам.

Объясняется это тем, что характерная черта современного состояния библиотечной науки – сосредоточенность наших ведущих библиотековедов на исследовании не одной, а одновременно нескольких научных проблем. Такое расширение кругозора научных интересов обогащает научно-теоретическую базу библиотековедения. Многоплановость научных интересов ученого была в свое время продемонстрирована мною на примере В. Ф. Сахарова [4]. Я стремился показать, что, несмотря на многоплановость диссертаций, выполненных под руководством В. Ф. Сахарова, их объединяет широта его научных интересов. Полагаю, что и в данном случае можно говорить о НШ В. Ф. Сахарова, если понимать под ней объединение молодых ученых вокруг признанного лидера, передачу научного опыта руководителя его ученикам и коллегам.

М. Н. Колесникова, В. В. Орлов

Высказанные сомнения и вопросы не мешают продолжить разговор о библиотечных НШ, но и дополнительно активизируют его. Второй НШ, развивающейся уже на кафедре библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ, следует считать школу заслуженного профессора, д-ра пед. наук А. Н. Ванеева (р. 1925 г.). Его научным руководителем был З. И. Ривлин (1907–1983 гг.) – ученик В. Ф. Сахарова (т. е. фактически, школа Анатолия Николаевича «отпочковалась» от сахаровской НШ). Закономерно возникает вопрос о НШ З. И. Ривлина, проработавшего в ЛГИК с 1960 по 1983 г. и подготовившего трех кандидатов наук (первое поколение)⁴. В материалах конференции «Скворцовские чтения – 2014» НШ Зелика Израилевича названа школой «истории, теории, организации и управления библиотечным делом» [9]. При этом странным образом она отнесена к кафедре библиотековедения Московского государственного института культуры (МГИК), из чего следует, что ученики З. И. Ривлина, в том числе А. Н. Ванеев, являются ее выпускниками. Мало того, автором публикации объединены в единый научный коллектив ученики К. И. Абрамова и А. Н. Ванеева [9, с. 44].

⁴ А. Н. Ванеев (1966 г.), Ж. С. Шадрин (1971 г.), И. А. Жаркова (1980 г.).

На данном этапе нет достаточных оснований однозначно статуйровать школу З. И. Ривлина как состоявшуюся, для этого необходимо более глубокое исследование. Со временем А. Н. Ванеев «перерос» своего учителя и по количеству защитившихся соискателей, и по широте и разнообразию их исследований, и по масштабу и глубине собственных разработок, и по известности в профессиональном сообществе, а также другим параметрам. На наш взгляд, это позволяет говорить об основании им другой НШ.

Некоторые ученые придерживаются мнения, что А. Н. Ванеева следует считать основателем НШ истории библиотековедения (О. И. Воверене, О. П. Вилкина, Д. А. Рингайтис [8]; В. В. Скворцов [18]; Л. И. Сальникова [17] и др.). Такое предположение вызывает возражения как со стороны самого Анатолия Николаевича, так и с точки зрения анализа диссертаций, подготовленных его учениками, и его собственных трудов. Список работ, защищенных под научным руководством или при научном консультировании А. Н. Ванеева необычайно широк и разнообразен. Это свидетельствует не только об уникальной продуктивности А. Н. Ванеева как руководителя и научного консультанта на протяжении очень долгих лет, но и о невероятной широте его взглядов и интересов как ученого. Безусловно, А. Н. Ванеева можно считать и основателем исторического направления в библиотековедении, но сводить научную деятельность одного из крупнейших российских библиотековедов только к этому некорректно. Есть основания отнести все его приоритетные научные разработки к общетеоретическим вопросам библиотечного дела и называть его школу НШ общего библиотековедения.

Как известно, в структуре общего библиотековедения выделяется раздел «Библиотечное дело», в котором традиционно рассматриваются такие общетеоретические вопросы, как: государственная библиотечная политика, создание и развитие сетей и систем библиотек, организация, координация, методическое обеспечение библиотечной деятельности, подготовка библиотечных кадров, участие общественных структур в управлении библиотеками и др.

Перечисленные направления всегда находятся в центре научных интересов А. Н. Ванеева, что нашло отражение и в работах его учеников – 26 кандидатских (к.д.) и две докторских диссертации (д.д.) – первое поколение⁵, в частности:

⁵ В. А. Ермакова (1979 г., к.д.), Т. К. Леонова (1979 г., к.д.), З. В. Руссак (1980 г., к.д.), Б. Ф. Володин (1982 г., к.д.), Е. И. Георгиева (1984 г., к.д.), Л. П. Одинокая (1984 г., к.д.), В. Р. Фирсов (1985 г., к.д.), С. А. Басов (1985 г., к.д.), Ю. Б. Авраева (1987 г., к.д.), С. А. Порошин (1987 г., к.д.), Е. В. Небогатикова (1989 г., к.д.), Б. С. Холов (1989 г., к.д.), В. Г. Попрощая (1990 г., к.д.), В. А. Кошкар-Оол (1990 г., к.д.),

- методическая деятельность библиотек (шесть диссертаций),
- организация библиотечного дела (девять диссертаций, в том числе одна докторская),
- подготовка и повышение квалификации библиотечных кадров (две диссертации),
- экономика и маркетинг в библиотечном деле (четыре диссертации),
- библиотековедение как наука (три диссертации, в том числе одна докторская),
- методологические проблемы библиотековедения (две диссертации),
- история библиотек (три диссертации).

По крайней мере, четверо российских учеников А. Н. Ванеева сами стали научными руководителями⁶ и подготовили своих учеников второе поколение. Точной информацией о зарубежных учениках А. Н. Ванеева не располагаем, есть неподтвержденные данные о том, что Е. И. Георгиева в Болгарии, Б. С. Холов в Таджикистане, Буй Лоан Тху во Вьетнаме также руководили подготовкой диссертаций.

Еще двое учеников – В. Р. Фирсов, Ю. Н. Дрешер – стали впоследствии докторами наук. Буй Лоан Тху кроме кандидатской диссертации защитил и докторскую диссертацию под руководством А. Н. Ванеева. М. Н. Колесникова также считает себя учеником выдающегося библиотековеда, являвшегося научным консультантом при подготовке ее докторской диссертации.

В настоящее время А. Н. Ванеев продолжает научную деятельность на кафедре, поддерживает связи со своими учениками и последователями, в том числе живущими в других регионах (З. В. Руссак, Ю. Б. Авраева, И. В. Балкова, Л. В. Солоненко (Сокольская), Л. П. Одинокая и др.).

А. Н. Ванеев

Соглашусь с мнением В. С. Крейденко и других коллег, что попытки «привязать» НШ только к одному направлению или теме научно-исследовательской деятельности ученого искажают истинный масштаб его многогранного вклада в библиотечную науку.

Поясню эту мысль на собственном примере. В «Вестнике СПбГУКИ» была опубликована моя статья [5], в которой предпринята попытка обосновать приоритет автора в разработке проблем об-

Б. Нурыев (1991 г., к.д.), Ле Ван Вьет (1991 г., к.д.), А. Ф. Хорунжий (1992 г., к.д.), Нгуен Тхи Лан Тхань (1993 г., к.д.), Е. И. Борисова (1993 г., к.д.), И. В. Балкова (1993 г., к.д.), Л. В. Солоненко (Сокольская) (1994 г., к.д.), Буй Лоан Тху (1995 г., к.д.; 2003 г., д.д.), Ю. Н. Дрешер (1995 г., к.д.), Д. И. Ступин (1998 г., к.д.), С. А. Аверьянов (2001 г., к.д.), М. Н. Тищенко (Колесникова) (2006 г., д.д.), Н. С. Беляев (2007 г., к.д.), В. Н. Новиков (2010 г., к.д.).

⁶ З. В. Руссак, В. Р. Фирсов, Ю. Н. Дрешер, М. Н. Колесникова.

щего библиотековедения: сущность библиотековедения, его объект, предмет, структура и т. д. В статье даны ссылки на учебники библиотековедения 1988 и 2013 г., в которых общетеоретические главы принадлежат А. Н. Ванееву.

Однако в том же номере журнала опубликована статья [10], из которой следует, что научные заслуги А. Н. Ванеева заключаются лишь в изучении истории библиотековедения. Такое отрицание вклада А. Н. Ванеева в разработку общетеоретических проблем библиотечной науки связано с представлением, что НШ – это всегда одно, единственное, узкое направление научно-исследовательской деятельности, которое и следует выделять для обозначения НШ.

М. Н. Колесникова, В. В. Орлов

Требует специального изучения вопрос о НШ такого видного библиотековеда, как Г. Г. Фирсов (1902–1990 гг.). Фирсов 23 года работал в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где занимался каталогизацией, и более 30 лет в ЛГИК, при этом не только на кафедре библиотековедения, но и заведовал кафедрой технической литературы (1968–1973 гг.).

Диссертации 20 его учеников (первое поколение)⁷ посвящены в основном двум научным направлениям: теории и методике каталогизации; информационно-библиографическому обслуживанию специалистов.

Четверо российских учеников Фирсова в дальнейшем сами выступили научными руководителями⁸ более 12 диссертантов. Информацией о зарубежных учениках Г. Г. Фирсова – Ц. М. Стайковой (Болгария) и М. К. Вяльютс (Литва) не располагаем. Т. И. Ключенко стала доктором наук. Разумеется, только на основе приведенных данных было бы самонадеянным констатировать существование во времени и пространстве НШ Г. Г. Фирсова. Необходимо отдельное исследование.

То же самое можно сказать о таком петербургском библиотековеде, как Б. Ю. Эйдельман (1904–1987 гг.), под руководством которого защищены 13 диссертаций (первое поколение учеников)⁹ по

⁷ А. А. Францкевич (1951 г.), Е. С. Боханевич (1954 г.), Э. К. Сагидова (1956 г.), О. Б. Враская (1958 г.), Ю. Б. Абрамов (1967 г.), Т. В. Воронова (1967 г.), К. В. Лютова (1968 г.), Н. А. Ласкеев (1968 г.), С. Л. Шугалова (Лохвицкая) (1970 г.), А. Н. Ермолаева (1972 г.), И. В. Морозова (1972 г.), Т. И. Ключенко (1972 г.), С. П. Петрикина (1973 г.), Л. В. Власов (1973 г.), Н. К. Племнек (1974 г.), Б. А. Бергер (1976 г.), Ц. М. Стайкова (1979 г.), М. К. Вяльютс (1980 г.), Н. И. Сергеева (1984 г.), В. Г. Горев (1986 г.).

⁸ Т. В. Воронова, К. В. Лютова, С. Л. Шугалова (Лохвицкая), Т. И. Ключенко.

⁹ Э. В. Марченко (1950 г.), С. В. Сватикова (1967 г.), Т. Н. Колтыпина (1968 г.), Е. Г. Сухманева (1969 г.), Т. Н. Данченко (1970 г.), Р. Б. Дауранов (1972 г.), С. А. Пицальников

проблемам библиотечно-библиографических классификаций, библиотечных фондов и каталогов, справочно-поискового аппарата, что являлось отражением его собственных научных интересов.

Ученый начал работу в Ленинградском библиотечном институте на кафедре библиотековедения в 1956 г., а с 1964 по 1974 г. работал на кафедре технической литературы, возглавляя методическую комиссию по библиотечным каталогам. То есть формально Б. Ю. Эйдельман не относится к научным руководителям кафедры библиотековедения. Тем не менее направление исследований ученого и его учеников, несомненно, является библиотековедческим. По меньшей мере трое из его учеников – С. В. Сватикова, Т. Н. Колтыпина, Л. В. Трапезникова – тоже стали научными руководителями диссертантов, а Л. В. Трапезникова заведовала кафедрой библиотековедения в 1995–2004 гг. Безусловно, необходима идентификация научной школы Б. Ю. Эйдельмана.

А. Н. Вансев

Полагаю, что когда мы сталкиваемся с многогранностью научных интересов, что присуще многим ведущим отечественным библиотековедам, то целесообразнее не разводить их теоретическое наследие по отдельным НШ, а использовать обобщающее понятие «научная школа Л. Б. Хавкиной», «научная школа Ю. В. Григорьевой», «научная школа В. Ф. Сахарова», «научная школа Ю. Н. Столярова» и т. д. Это, разумеется, не исключает возможности и необходимости анализировать взгляды этих библиотековедов на научную разработку отдельных направлений библиотечной теории и практики.

В. А. Бородина

Сразу оговорю, чтобы не возникло кривотолков о моей позиции на основе дальнейших рассуждений, что я принадлежу к НШ работы с читателями Василия Федоровича Сахарова и как ученица (он был моим научным руководителем кандидатской диссертации), и как активный исследователь читателеведческих и библиотечно-психологических направлений, обозначенных в учебнике «Работа с читателями» 1981 г. под редакцией В. Ф. Сахарова.

Мои личные научные исследования осуществлялись по принципу углубления изучения начатых проблем и расширения их научной тематики во взаимосвязях. В результате создана теория и технология созидющего чтения акмеологического типа в контексте разработанной мною же теории читательского развития личности. Это одно направление. Другое – библиотечная психология, в рам-

ках которого исследовались проблемы психологии чтения, психологии общения, профессионального чтения, психологии работы с читателями (психологии обслуживания), библиотечной журналистики, психологии педагогического мастерства библиотекарей (в рамках которого разработана сказкодиактика как инновационная технология); создана самостоятельная специализация «Библиотекарь-психолог» (ныне – «Психология и социология библиотечного обслуживания»).

Бесспорно, нужен детальный анализ «дерева» научных исследований, демонстрирующих логику развития НШ читателеведения и библиотечной психологии на кафедре библиотековедения и теории чтения. А пока выскажу некоторые соображения, связанные со сложностью, неоднозначностью идентификации НШ в библиотечно-информационной сфере.

Основательному научному исследованию о любых НШ предшествует осмысление понятия, анализ и синтез научных достижений в обозначенной области, размышления о них. Научные школы в вузах, бесспорно, отличаются от НШ в научно-исследовательских учреждениях. Надо сказать, что не только читателеведение, но и библиотековедение не имеет самостоятельной научной институции. Есть научно-исследовательские отделы (по-разному называемые) при библиотеках (РНБ, РГБ, РГДБ, РГБМ, ГПНТБ и др.).

Вузовская наука имеет свою специфику, НШ связаны с обеспечением и развитием учебно-профессиональной деятельности, поэтому так или иначе характеризуют «научное лицо» конкретной кафедры. Какие бы ни придумывали новомодные названия кафедр, все равно на библиотечно-информационных факультетах существуют три базовых направления по специальности 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение», по которым защищаются диссертации на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук. В рамках трех базовых направлений идут ответвления научных дисциплин на основе взаимопересечения этих наук.

Чтение – междисциплинарный объект исследования для всех трех наук, относящихся к разным кафедрам и их НШ. Приведу пример. В. Я. Аскарова защищала диссертацию на степень кандидата педагогических наук на кафедре библиотековедения (руководитель – В. С. Крейденко) по теме читателеведения, а уже на степень доктора по кафедре библиографии и книговедения также по читателеведению (научный руководитель И. Е. Баренбаум), но на степень филологических наук.

В дальнейшей деятельности в Челябинской государственной академии культуры и искусств (ЧГАКИ) В. Я. Аскарова возглавила кафедру детской литературы, занимаясь читателеведческими проблемами.

(1972 г.), М. Д. Демакова (1973 г.), Л. В. Трапезникова (1973 г.), Гудрун Фрешнер (ГДР) (1974 г.), Н. В. Иванов (1975 г.), Л. Е. Генин (1978 г.), Л. М. Казакова (1982 г.).

Она является идеологом и организатором региональных исследований по чтению, реализуя проект «Чтение на евразийском перекрестке» (проведено уже два форума по результатам исследований). Возникает вопрос: с какой НШ идентифицировать научный вклад В. Я. Аскаровой? Свой научный путь начинала она под руководством В. С. Крейденко – ученика В. Ф. Сахарова. Пример заставляет задуматься о развитии НШ в целом в библиотечно-информационной сфере по принципу построения дерева научных исследований, структурно-системного анализа не только с точки зрения персонального вклада тех, кто был родоначальником, и кто шел за ними вслед, но и с точки зрения научных проблем и направлений.

У меня сейчас нет ответа, почему сложилась такая парадоксальная ситуация. Защита диссертаций в нашей сфере идет по трем наукам (исторической, педагогической, филологической). Причем только по кафедре общей библиографии и книговедения (ныне – документоведения и информационной аналитики) проходили защиты по всем трем наукам; по остальным кафедрам защищались на педагогические науки. Как тогда идентифицировать НШ, если один и тот же объект исследования, особенно это касается чтения, в одной и той же библиотечно-информационной сфере имеет отношение к разным наукам? Каковы критерии идентификации? Полагаю, что анализ научных исследований в целом на факультете станет полезным и продуктивным применительно к пониманию НШ в библиотечно-информационной сфере.

Анализ прошлого нашей науки, изучение современного состояния и определение перспектив развития необходимы для повышения эффективности современных исследований в рамках концепции НШ, поскольку любые научные проблемы в силу усложнения библиотечно-информационных реалий требуют объединения усилий ученых. Результативность науки в библиотечно-информационной сфере в целом и в библиотековедении – ее стержне – будет определяться корпоративным вкладом ученых. А это значит, что интерес к НШ и осмысление их на основе разных подходов – продуктивный путь к наиболее конструктивному решению научных задач в интересах развития библиотечно-информационной отрасли.

Несмотря на имеющиеся исследования о НШ в библиотечно-информационной сфере, четкости и ясности о принципах отграничения одной школы от другой нет. Более того, если анализировать в историческом аспекте становление и развитие библиотечно-информационной сферы деятельности и ее исследования, то мы увидим не только «пикирование» на проблемы, ранее как бы закрепленные за конкретными кафедрами, но и «вторжение» на смежные территории и их «захват».

Можно это доказать, обратившись к переструктурированию кафедр, изменению их названий, динамике учебных планов. Это важно, чтобы не было «спекуляций» на НШ, их идентификации, утверждений, что это является НШ, а это – нет. Очень многое в силу деликатности проблемы остается недосказанным, намеренно обойденным и даже исключенным в процессе интерпретации заслуг конкретной НШ.

Поэтому мне представляется, что анализ НШ в библиотековедении требует предварительного изучения научных исследований в библиографоведении, книговедении и библиотековедении на основе сравнительного подхода в историческом контексте. Но это не означает, что постановка вопроса о НШ в библиотековедении и уже имеющийся анализ не имеют право на существование. Такое осмысление НШ в библиотековедении, равно как и в библиографоведении и книговедении, будет полезным до начала фундаментального исследования о НШ в библиотечно-информационной сфере. Вот только готово ли профессиональное сообщество факультета беспристрастно и объективно пойти на такое исследование? Как преодолеть многие субъективные препятствия?

Понимая, что все не так просто, и это заявка на программу максимум, коллеги вынуждены идти по принципу «теории малых дел», локального анализа. Вот и я не готова анализировать даже в рамках библиотековедения НШ, поскольку занимаюсь не всем библиотековедением, а читателеведением (и как таковым, и в рамках библиотековедения по работе с читателями в библиотечно-информационной сфере деятельности).

Осмысление собственного научно-педагогического пути, собственной НШ (а она у каждого ученого есть) описано в публикациях [1, 2]. Добавлю, что на кафедре библиотековедения и теории чтения созданы основы НШ по проблемам «Библиотечная психология», а ее истоки в Сахаровской школе работы с читателями [3]. Но это требует отдельного анализа для обоснования НШ по библиотечной психологии на кафедре и факультете, что и предполагается сделать в ближайшей перспективе.

Вывод: осмысление НШ в широком диапазоне подходов требует специального исследования всего научного коллектива, а пока, на мой взгляд, материалы этого круглого стола – заявка на исследование обсуждаемой проблемы.

Литература

1. Бородин В. А. Мои психологические университеты // Петерб. библ. шк. – 2002. – № 2. – С. 13–18.
2. Бородин В. А. 35 лет прошли как день... К юбилею кафедры библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ // Библ. дело. – 2013. – № 20. – С. 30–34.

3. *Бородина В. А.* Библиотечно-информационное образование: петербургская (Сахаровская) школа работы с читателями // Сахаровские чтения : сб. ст. по материалам III междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 20–21 янв. 2012 г.). – СПб., 2012. – С. 7–21.
4. *Ванеев А. Н.* Научная школа В. Ф. Сахарова // Первые Сахаровские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 12 нояб. 2008 г.). – Санкт-Петербург, 2008. – С. 76–81.
5. *Ванеев А. Н.* Общее библиотековедение в научной работе и преподавании на кафедре библиотековедения и теории чтения // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 4. – С. 20–23.
6. *Ванеев А. Н.* Становление петербургской школы библиотековедения // История библиотек : исслед., материалы, докл. – СПб., 2004. – Вып. 5. – С. 21–34.
7. *Ванеев А. Н.* Становление петербургской школы библиотековедения // История библиотечного дела и библиотековедения. – СПб., 2013. – С. 94–109.
8. *Воверене О. И., Вилкина О. П., Рингайтите Д. А.* Идентификация научных школ в библиотековедении, библиографоведении и информатике // Науч. и техн. б-ки. – 1989. – № 2. – С. 11–18.
9. *Заостровская Е. А.* Научные школы К. И. Абрамова и А. Н. Ванеева в области библиотековедения // Библиотечное дело-2014: библиотечно-информационная деятельность и документно-информационные коммуникации в сфере культуры : Сворцовские чтения : материалы Девятнадцатой междунар. науч. конф. (Москва, 23–24 апр. 2014 г.). – Ч. 1. – М., 2014. – С. 43–47.
10. *Захарчук Т. В.* Научная школа в библиотековедении как объект идентификации ученых // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 4. – С. 24–27.
11. *Захарчук Т. В.* Научные школы в библиографоведении: проблемы формирования и идентификации. – СПб. : СПбГУКИ, 2013. – 240 с.
12. *Кожневникова Л. А.* Библиотечковедческие научные школы: методы анализа и диагностики // Библиосфера. – 2014. – № 1. – С. 22–25.
13. *Колесникова М. Н., Бахтина Е. В.* К вопросу о границах научной школы (в порядке дискуссии) // Библиосфера. – 2014. – № 1. – С. 19–21.
14. *Колесникова М. Н., Мокшианова Е. В.* Проблемы управления библиотечным делом как предмет диссертационных исследований // Библиотечное дело-2014: библиотечно-информационная деятельность и документно-информационные коммуникации в сфере культуры : Сворцовские чтения : материалы Девятнадцатой междунар. науч. конф. (Москва, 23–24 апр. 2014 г.). – Ч. 2. – М., 2014. – С. 66–69.
15. *Мокшианова Е. В.* «Птенцы гнезда» Ванеева: к 35-летию научной школы ученого // Библиотечное дело. – 2013. – № 20. – С. 42–44.
16. *Орлов В. В.* Научные школы кафедры библиотековедения и теории чтения библиотечно-информационного факультета СПбГУКИ // Библиотечное дело-2013: библиотечно-информационная деятельность в пространстве науки, культуры и образования : Сворцовские чтения : материалы Восемнадцатой междунар. науч. конф. (Москва, 24–25 апр. 2013 г.). – Ч. 1. – М., 2013. – С. 79–82.
17. *Сальникова Л. И.* История библиотечного дела и история библиотековедения в структуре библиотечной науки // Библиотечное дело-2013 : библиотечно-информационная деятельность в пространстве науки, культуры и образования : Сворцовские чтения : материалы Восемнадцатой междунар. науч. конф. (Москва, 24–25 апр. 2013 г.). – Ч. 1. – М., 2013. – С. 94–96.
18. *Сворцов В. В.* Исследование истории отечественной библиотековедческой мысли // Библиотечное дело-2004 : всеобщая доступность информации : материалы Девятой междунар. науч. конф. (Москва, 22–24 апр. 2004 г.). – М., 2004. – URL: <http://libconfs.narod.ru> (дата обращения: 15.06.2014).

Материал поступил в редакцию 24.06.2014 г.

Сведения об авторах: *Ванеев Анатолий Николаевич* – доктор педагогических наук, заслуженный профессор, тел.: (812) 314-31-67, e-mail: bvtch@mail.ru,
Крейденко Владимир Семенович – доктор педагогических наук, заслуженный профессор, тел.: (812) 314-31-67, e-mail: bvtch@mail.ru,
Бородина Валентина Александровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотековедения и теории чтения, тел.: (812) 314-31-67, e-mail: sevaread@yandex.ru,
Колесникова Марина Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой библиотековедения и теории чтения, тел.: (812) 314-31-67, e-mail: marik008@mail.ru,
Орлов Виктор Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотековедения и теории чтения, тел.: (812) 314-31-67, e-mail: viktor_orlov@inbox.ru